

Иван Сергеевич Тургенев

Андрей

Иван Тургенев

Андрей

«Public Domain»

1845

Тургенев И. С.

Андрей / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1845

«...Подобно всем уездным городам, Он правильно расположен;
недавно Построен; на горе соборный храм Стоит, неконченный; дома
забавно Свихнулись набок; нет конца садам Фруктовым, огородам; страх
исправно Содержатся казенные места, И площадь главная всегда пуста...»

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Иван Сергеевич Тургенев

Андрей

Часть первая

«Дела давно минувших дней»

I

«Начало трудно», – слышал я не раз.
Да, для того, кто любит объясненья.
Я не таков, и прямо свой рассказ
Я начинаю – без приготовленья...
Рысцей поплелся смиренный мой пегас;
Друзья, пою простые приключенья...
Они происходили вдалеке,
В уездном, одиноком городке.

II

Подобно всем уездным городам,
Он правильно расположен; недавно
Построен; на горе соборный храм
Стоит, неконченный; дома забавно
Свихнулись набок; нет конца садам
Фруктовым, огородам; страх исправно
Содержатся казенные места,
И площадь главная всегда пуста.

III

В уютном, чистом домике, в одной
Из улиц, называемой «Зеленой»,
Жил человек довольно молодой,
В отставке, холостяк, притом ученый.
Как водится, разумной головой
Он слыл лишь потому, что вид «мудреный»
Имел да трубки не курил, молчал,
Не выходил и в карты не играл.

IV

Но не было таинственности в нем.
Все знали его чин, его фамилию.
Он года три в Москве служил; потом

Наскучив должностной... и прочей гилью,
Вернулся в отчий запустелый дом.
Все комнаты, наполненные пылью,
Нашел (его домашние давно
Все померли), да старое вино

V

В подвале, да запачканный портрет,
Да в кладовой два бабушкиных платья.
Пока служил он – связи да занятя
На воле рос он с самых ранних лет;
И вспомнить ему не дали, что нет
Родной груди, которую в объятя
Принять бы мог он... нет ее нигде...
Но здесь, в родимом и пустом гнезде,

VI

Ему сначала было тяжело...
Потом он полюбил уединенье
И думал сам, что счастлив... но назло
Рассудку – часто грустное томленье
Овладевало им... Его влекло
Куда-то вдаль – пока воображенье
Усталое не сложит пестрых крыл, –
И долго после, молчалив, уныл,

VII

Сидел он под окошком. Впрочем, он,
Как человек без разочарованья,
Не слишком был в отчаянье влюблен
И не лелеял своего страданья.
Начнет, бывало, думать... что ж? не стон,
Зевота выразит его мечтанья;
Скучал он не как байронов Корсар,
А как потомок выходцев-татар.

VIII

Скучал он – да; быть может, оттого,
Что жить в деревне скучно; что в столицах
Без денег жить нельзя; что ничего
Он целый день не делал; что в девицах
Не находил он толку... но всего
Не выскажешь никак – пока в границах
Законности, порядка, тишины

Держаться сочинители должны.

IX

Так, он скучал; но молод был душой,
Неопытен, задумчив, как писатель,
Застенчив и чувствителен – большой
Чудак-дикарь и несколько мечтатель.
Он занимался нехотя собой
(Чему вы подивитесь, о читатель!),
Не важничал и не бранил людей
И ничего не презирал, ей-ей.

X

Хотел любви, не зная сам зачем;
В нем силы разгорались молодые...
Кипела кровь... он от любви совсем
Себе не ждал спасенья, как иные
Девицы да студенты. Между тем
Мгновенья проходили золотые –
И минуло два года – две весны...
(Весной все люди чаще влюблены.)

XI

И вот опять настала та пора,
Когда, на солнце весело сверкая,
Капли падают... когда с утра
По лужам дети бегают, играя...
Когда коров гоняют со двора,
И травка зеленеет молодая,
И важный грач гуляет по лугам,
И подступает речка к берегам.

XII

Прекрасен русский теплый майский день...
Всё к жизни возвращается тревожно;
Еще жидка трепещущая тень
Берез кудрявых; ветер осторожно
Колышет их верхушки; думать – лень,
А с губ согнать улыбку невозможно...
И свежий, белый ландыш под кустом
Стыдливо заслоняется листом.

XIII

Поедешь зелеными на коне...
Вздыхает конь и тихо машет гривой –
И как листок, отдавшийся волне,
То медленной, то вдруг нетерпеливой,
Несутся мысли... В ясной вышине.
Проходят тучки чередой ленивой...
С деревни воробьев крикливый рой
Промчится... Заяц жметя под межой,

XIV

И колокольня длинная в кустах
Белеется... Приятель наш природу
Весьма любил и в четырех стенах
Не мог остаться в ясную погоду –
Надел картуз – и с палкою в руках
Пешком пустился через грязь и воду...
Была в числе всех улиц лишь одна
«Дворянская» когда-то мощена.

XV

Он шел задумчиво, повеся нос.
По лужицам ступая деликатно,
Бежал за ним его легавый пес.
Мечтатель шел; томительно-приятно
В нем сердце билось – и себе вопрос
Он задавал: зачем так непонятно,
Так грустно-весел он, как вдруг один
Знакомец, не служащий дворянин,

XVI

Нагнал его: «Андрей Ильич! куда-с?»
«Гуляю, так; а вы?» – «Гуляю тоже.
Вообразите – не узнал я вас!
Гляжу, гляжу... да кто ж это, мой боже!
Уж по собаке догадался, да-с!
А слышали вы – городничий?» – «Что же
С ним сделалось?» – «Да с ним-то ничего
Жену свою прибил он за того

XVII

Гусарчика – вы знаете...» – «Я? Нет!»

«Не знаете? Ну как же вам не стыдно?
Такой приятный в обществе, брюнет.
Вот он понравился – другим завидно,
Послали письмецо да весь секрет
И разгласили... Кстати, нам обидно
С женой, что не зайдете никогда
Вы к нам; а жили, помнится, всегда

XVIII

Мы с вашим батюшкой в большом ладу»
«А разве есть у вас жена?» – «Прекрасно!
Хорош приятель, признаюсь! Пойду
Всем расскажу...» – «Не гневайтесь напрасно».
(Ну, – думал он, – попался я в беду.)
«Не гневаться? Нет, я сердит ужасно...
И если вы хотите, чтоб я вас
Простил совсем, пойдите к нам сейчас».

XIX

«Извольте... по нельзя ж так...» – «Без хлопот!»
Они пошли под ручку мимо праздных
Мещанских баб и девок, у ворот
Усевшихся на лавках, мимо разных
Заборов, кузниц, домиков... и вот
Перед одним из самых безобразных
Домов остановились... «Здесь я
Живу, – сказал знакомец, – а судья

XX

Живет вон там, подальше. Вечерком
Играем мы в картишки: заседатель,
Он, я да Гур Миняич, вчетвером».
Они вошли; и закричал приятель
Андрея: «Эй! жена! смотри, кто в дом
Ко мне зашел – твой новый обожатель
(Не правда, что ли?)... вот, сударь, она,
Авдотья Павловна, моя жена».

XXI

Ее лицо зарделось ярко вдруг
При виде незнакомого... Стыдливо
Она присела... Радостный супруг
Расшаркался... За стулья боязливо
Она взялась... Ее немой испуг

Смутил Андрея. Сел он молчаливо
И внутренне себя бранил – и, взор
Склонив, упрямо начал разговор.

XXII

Но вот, пока зашла меж ними речь
О том, что людям нужно развлечение
И что здоровье надобно беречь,
Взглянувши на нее, в одно мгновенье
Заметил он блестящих, белых плеч
Роскошный очерк, легкое движенье
Груды, зубов-жемчужин ровный ряд
И кроткий, несколько печальный взгляд.

XXIII

Заметил он еще вдоль алых щек
Две кудри шелковистые да руки
Прекрасные... Звенящий голосок
Ее хранил пленительные звуки –
Младенчества, как говорят, пушок.
А за двадцать ей было... пользу скуки
Кто может отрицать? Она, как лед,
От порчи берегает наш народ.

XXIV

Пока в невинности души своей
Любуется наш юноша стыдливый
Чужой женой, мы поспешим о ней
Отдать отчет подробный, справедливый
Читателям. (Ее супруг, Фаддей
Сергеич, был рассеянный, ленивый,
Доверчивый, прекрасный человек...
Да кто ж и зол в наш равнодушный век?)

XXV

Она росла печальной сиротой;
Воспитана была на счет казенный...
Потом попала к тетушке глухой,
Сносила нрав ее неугомонный,
Ходила в летнем платье зимой –
И разливала чай... Но брак законный
Освободил несчастную: чепец
Она сама надела, наконец.

XXVI

Но барыней не сделалась. Притом
Авдотья Павловна, как институтка,
Гостей дичилась, плакала тайком
Над пошленьким романом; часто шутка
Ее пугала... Но в порядке дом
Она держала; здравого рассудка
В ней было много; мужа своего
Она любила более всего.

XXVII

Но, как огонь таится под золой,
Под снегом лава, под листочком розы
Колючий шип, под бархатной травой
Лукавый змей и под улыбкой слезы, –
Так, может быть, и в сердце молодой
Жены таились пагубные грезы...
Мы посвящаем этот оборот
Любителям классических острот.

XXVIII

Но всё ж она любила мужа; да,
Как любят дети, – кротко, без волнений,
Без ревности, без тайного стыда,
Без тех безумных, горьких сожалений
И помыслов, которым иногда
Предаться совестно, без подозрений, –
Безо всего, чем дерзостную власть
Свою не раз обозначала страсть.

XXIX

Но не была зато знакома ей
Восторгов нескончаемых отрада.
Тоска блаженства... правда; но страстей
Бояться должно: самая награда
Не стоит жертвы, как игра – свечей...
Свирепый, буйный грохот водопада
Нас оглушает... Вообще всегда
Приятнее стоячая вода.

XXX

И если грусть ей в душу как-нибудь

Закрадывалась – это мы бедою
Не назовем... ведь ей же хуже, будь
Она всегда, всегда своей судьбою
Довольна... Грустно ей, занует грудь,
И взор заблещет томною слезою –
Она к окошку подойдет, слегка
Вздыхнет да поглядит на облака,

XXXI

На церковь старую, на низкий дом
Соседа, на высокие заборы –
За фортепьяно сядет... всё кругом
Как будто дремлет... слышны разговоры
Служанок; на стене под потолком
Играет солнце; голубые шторы
Сквозят; надувшись весь, ручной
Снегирь свистит – и пахнет резедой

XXXII

Вся комната... Поет она – сперва
Какой-нибудь романс сантиментальный.
Звучат уныло страстные слова;
Потом она сыграет погребальный
Известный марш Бетховена... но два
Часа пробило; ждет патриархальный
Обед ее; супруг, жену любя,
Кричит: «Уха простынет без тебя».

XXXIII

Так жизнь ее текла; в чужих домах
Она бывала редко; со слезами
Езжала в гости, чувствовала страх,
Когда с высокопарными речами
Уездный франт в нафабранных усах
К ней подходил бочком, кося глазами...
Свой дом она любила, как сурок
Свою нору – свой «home» {Домашний очаг (англ.)}, свой уголок.

XXXIV

Андрей понравился соседям. Он
Сидел у них довольно долго; в споры
Пускался; словом, в духе был, умен,
Любезен, весел... и хотя в узоры
Канвы совсем, казалось, погружен

Был ум хозяйки, – медленные взоры
Ее больших и любопытных глаз
На нем остановились – и не раз.

XXXV

Меж тем настала ночь. Пришел Андрей
Ильич домой в большом недоуменье.
Сквозь зубы напевал он: «Соловей
Мой, соловей!» – и целый час в волненье
Ходил один по комнате своей...
Не много было складу в этом пенье –
И пес его, весьма разумный скот,
Глядел на барина, разиня рот.

XXXVI

Увы! всем людям, видно, суждено
Узнать, как говорится, «жизни бремя».
Мы ничего пока не скажем... Но
Посмотрим, что-то нам откроет время?
Когда на свет выходит лист – давно
В земле нагретой созревало семя...
Тоскливая, мечтательная лень
Андреем овладела в этот день.

XXXVII

С начала самого любовь должна
Расти неслышно, как во сне глубоком
Дитя растет... огласка ей вредна:
Как юный гриб, открытый зорким оком,
Замрет, завянет, пропадет она...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.